

ничего не известно. Но я уверена, что все англичане будут изгнаны из Франции, за исключением тех, которые найдут здесь смерть.

Ее спрашивали:

— Разве не великий грех уйти из дому без разрешения отца и матери?

— К этому призывал меня долг, — отвечала Жанна. — И если бы у меня было сто отцов и сто матерей, я все равно ушла бы.

Ее спрашивали:

— Скажи, хорошо ли было вести атаку на Париж в день рождества богородицы?

— Соблюдать праздники божьей матери, без сомнения, хорошо, — ответила Жанна. — Но было бы еще лучше всегда хранить их в своей совести.

Ее спрашивали:

— Какими колдовскими приемами ты пользовалась, чтобы воодушевить воинов на битву?

И Жанна отвечала:

— Я говорила им: «Вперед!» — и первая показывала пример.

Ее спрашивали:

— Почему бедняки приходили к тебе и воздавали почести, словно святой?

И она отвечала:

— Бедняки любили меня потому, что я была добра к ним и помогала всем, чем могла.

Ее спрашивали:

— Почему во время коронации в Реймсе твоему знамени было отдано предпочтение перед знаменами других полководцев?

И гордо отвечала Жанна:

— Оно было в труде и подвиге, и ему надлежало быть в чести.

Один англичанин, присутствовавший при допросе, не смог удержаться от восклицания:

— Ей-богу, она добрая женщина! Жаль, что не англичанка!..

Епископ Кошон поздравил себя с тем, что перешел к тайным заседаниям: по крайней мере удалось избежать серьезного соблазна для верующих.